

Глава XLIV

В Денвере случилось необычное: мою лекцию о контроле рождаемости вёл судья. Это был Бен Линдси. Он убедительно рассказал о важности ограничения роста семьи и воздал должное моей работе. Я познакомилась с судьёй и его симпатичной женой несколько лет назад и встречалась с ними всякий раз, приезжая в Денвер. От друзей я узнала, как постыдно обращались с судьёй политические оппоненты. Они не только распространяли оскорбительные сплетни о его общественной и частной жизни, но даже нападали на миссис Линдси, анонимно угрожая ей и запугивая. Но я не заметила в судье Линдси ожесточённости, он был великодушен к оппонентам и решительно настроен следовать своим убеждениям.

Пока я была в городе, подвернулась возможность посетить лекцию доктора Стенли Холла «Моральная профилактика». Я была знакома с его трудами и считала первооткрывателем в области сексуальной психологии. В его работах эта тема была освещена благожелательно и с пониманием. Доктора Холла представил священник, и это, вероятно, ограничило его свободу выражения. Он говорил с трудом и бесконечно возвращался к утверждению о том, что церкви необходимо ввести сексуальное образование как «гарантию целомудрия, нравственности и религиозности», приводил устаревшие понятия, которые не имели отношения ни к сексу, ни к психологии. Мне было грустно видеть его таким интеллектуально слабым, ведь мы встречались раньше на праздновании двадцатилетия со дня основания Университета Кларка и на моих лекциях. Мне было жаль американский народ, который воспринимал эту инфантильную чушь как достоверную информацию.

Лекции в Лос-Анджелесе для меня организовал Саша, который специально ради этого приехал из Сан-Франциско, где занимался изданием Blast. Он хорошо постарался, и мои митинги были успешными во всех отношениях. Но всё же я скучала по Бену, со всеми его слабостями, его безответственностью и резкостью. От тоски меня отвлекала необходимость заниматься делами в Лос-Анджелесе.

Моя лекция «Боеготовность» совпала с днём проведения Парада боеготовности. Мы не могли выбрать более подходящей даты, даже если бы заранее знали о запланированной милитаристской демонстрации. Днём населению Лос-Анджелеса представили этот патриотический спектакль, на котором их убеждали, что «поборники мира должны быть вооружены до зубов», а вечером люди узнали от нас, что «самой большой угрозой миру является тот, кто вооружается». Несколько патриотов пришли на наш митинг с намерением его сорвать. Однако они передумали, увидев, что наша публика не в настроении слушать их ура-патриотические вопли.

Братья Рикардо и Энрико Флорес Магон содержались в тюрьме Лос-Анджелеса, и местным товарищам пока не удалось выручить их. Уже дважды этих людей сажали за их отважную борьбу за свободу мексиканского народа. Из десяти лет, что они прожили в Соединённых

Штатах, пять провели в тюрьме. Теперь мексиканское лобби в Америке решило посадить их в третий раз. Люди, которые знали и любили братьев Магон, были слишком бедны, чтобы заплатить выкуп, а те, кто располагал средствами, считали их опасными преступниками, какими их изображала пресса. Даже кое-кто из американских друзей, как выяснилось, находился под влиянием этих газетных бредней. Мы с Сашей взялись за сбор необходимого залога в десять тысяч долларов. Из-за официального осуждения всего мексиканского наша задача оказалась чрезвычайно сложной. Нам даже пришлось собрать факты, подтверждавшие, что единственное преступление братьев Магон состояло в их самоотверженной преданности делу освобождения Мексики. Ценой невероятных усилий нам, наконец, удалось собрать необходимую сумму. Счастливое удивление на лицах Рикардо и Энрико, которые потеряли надежду на спасение, были лучшей наградой за наши труды.

Когда братья Магон явились на слушание, произошло впечатляющее событие. Зал был полон мексиканцев. Когда вошёл судья, ни один из них не поднялся с места, но, стоило появиться братьям, все до одного встали и низко им поклонились. Это был великолепный жест, который показал, какое место два брата занимают в сердцах простых людей.

В Сан-Франциско Саша и Фитци сделали всё возможное, чтобы моё пребывание там в течение месяца было приятным и полезным. Мои первые лекции прошли особенно удачно, и я надеялась на успех остальных мероприятий. У меня была собственная квартира, я ждала, что Бен присоединится ко мне в июле. Однако большую часть свободного времени я проводила в гостях у Саши и Фитци.

22 июля 1916 года, в субботу, мы обедали вместе. Стоял золотистый калифорнийский день, и все трое были в приподнятом настроении. Мы уже давно закончили есть, Саша развлекал нас смешными историями о кулинарных подвигах Фитци. Зазвонил телефон, и он вышел в кабинет, чтобы ответить. Когда он вернулся, я заметила, каким серьёзным сделалось его лицо, и интуитивно поняла, что случилось нечто плохое.

«Сегодня на Параде боеготовности взорвалась бомба, — сказал он. — Есть раненые и погибшие». «Надеюсь, они не собираются повесить это на анархистов!» — воскликнула я. «Как они посмеют?» — возразила Фитци. «А что им помешает? — ответил Саша. — Они всегда так делают».

Моя лекция «Боеготовность» была назначена на 20 июля. Но мы узнали, что либеральные и прогрессивные рабочие группы собираются организовать массовый митинг против боеготовности в тот же вечер, и, не желая конкурировать с ними, отложили моё выступление на 22 июля. Меня поразило, как нам едва удалось избежать ответственности за взрыв: если бы мой митинг состоялся до трагедии, как было запланировано, на всех, кто был связан с моей работой, непременно возложили бы ответственность за бомбу. Звонил журналист, который хотел взять у нас комментарий по поводу взрыва — обычный интерес репортёров и следователей в подобных случаях.

По пути домой я услышала, как мальчишки-газетчики рекламируют экстренные выпуски. Я купила газеты и увидела то, что ожидала: броские заголовки об «анархистской бомбе» на

передовицах. Газеты требовали немедленного ареста выступавших 20 июля на митинге против боеготовности. Особенно кровожадной была газета Хёрста Examiner. Паника, последовавшая за взрывом, ясно продемонстрировала отсутствие храбрости не только у обычных людей, но и у радикалов и либералов. До 22 июля они в течение двух недель каждый вечер заполняли наш зал и были в восторге от моих лекций. Теперь при первом признаке опасности они бросились в укрытие, как стадо овец перед бурей.

Вечером после взрыва на митинге было всего пятьдесят человек, не считая сыщиков. Атмосфера была очень напряжённой, все ёрзали на своих местах, очевидно, опасаясь ещё одной бомбы. На лекции я подчеркнула, что сегодняшняя трагедия более убедительно, чем теоретические трактаты, доказывает, что насилие порождает насилие. Рабочие организации Побережья высказались против Парада боеготовности, а членов профсоюзов призвали отказаться от участия в нём. Все в Сан-Франциско знали, что полиция и газеты были предупреждены о возможном кровопролитии, если Торговая палата настаит на публичной демонстрации боевой мощи. Но «патриоты» позволили провести парад, несмотря на опасность, которой могли подвергнуться его участники. Безразличие к человеческим судьбам со стороны тех, кто поставил этот спектакль, явно демонстрировало, как обесценится жизнь, если Америка вступит в войну.

После взрыва воцарилось господство государственного террора. Революционные рабочие и анархисты, как обычно, стали первыми жертвами. Четверо рабочих-мужчин и одна женщина были немедленно арестованы. Это были Томас Муни с женой Реной, Уоррен Биллингс, Эдвард Нолан и Израиль Вайнберг.

Томас Муни, старый член профсоюза литейщиков, был известен на всю Калифорнию как активный борец за права рабочих. Много лет он оказывал влияние на ход различных забастовок. За неподкупность его от всего сердца ненавидели поголовно все боссы и рабочие-политиканы Побережья. Компания «Объединённые рельсовые пути» несколько лет назад пыталась упрятать Муни за решётку, но даже невежественные присяжные отказались верить этой фальсификации. Недавно Муни вновь попробовал мобилизовать на борьбу водителей и кондукторов трамвайного синдиката. Попытка начать забастовку за несколько недель до парада оказалась неудачной, и компания «Объединённые рельсовые пути» решила сделать Муни крайним. Они развесили объявления в трамвайных парках, предупреждавшие рабочих не связываться с «бомбистом Муни», иначе они будут немедленно уволены.

В ночь после того, как были развешаны объявления, были взорваны несколько базовых силовых вышек, принадлежащих компании, и те, кто был в курсе ситуации, посмеялись над очевидной попыткой владельцев трамвайного парка «разделаться» с Муни, так «своевременно» заклеив его бомбистом.

Уоррен К. Биллингс, бывший глава профсоюза сапожников, много лет активно участвовал в трудовой борьбе, и боссам однажды удалось упрятать его в тюрьму по сфабрикованному обвинению из-за забастовки в Сан-Франциско.

Эдварда Д. Нолана обожали и уважали рабочие Побережья за его ясное понимание социального вопроса, интеллект и энергичность. За несколько дней до Парада боеготовности он вернулся из Балтимора, куда ездил в качестве делегата на Съезд машинистов. Кроме того, Нолан был лидером стачечных пикетов на локальной забастовке машинистов, и с тех пор боссы внесли его в «чёрный список».

Израиль Вайнберг был членом исполнительного комитета профсоюза водителей маршрутных автобусов. Эту организацию ненавидели «Объединённые рельсовые пути», которым её деятельность серьёзно снизила прибыль. Трамвайная компания старалась выдавить маршрутные автобусы с главных улиц, и окружной прокурор Сан-Франциско Фикерт не мог упустить шанс дискредитировать профсоюз автобусов, обвинив известного члена организации в убийстве. Трамвайная компания помогла прокурору занять этот пост, чтобы он отменил обвинения против её коррумпированных боссов, что он и сделал, как только приступил к работе.

Миссис Рена Муни, жена Тома Муни, была известной учительницей музыки. Это была энергичная и преданная женщина, и её арест был полицейской уловкой с целью пресечь попытки спасти Тома.

Возложить на этих людей ответственность за взрыв на Параде боеготовности было намеренной попыткой нанести рабочим организациям смертельный удар через их наиболее активных и непреклонных представителей. Мы ожидали согласованных действий в защиту обвиняемых со стороны либералов и радикалов, несмотря на политические разногласия. Вместо этого последовало гробовое молчание тех самых людей, которые долгие годы были знакомы и сотрудничали с Муни, Ноланом и их товарищами по заключению.

Признание братьев Мак-Намара, словно призрак, всё ещё преследовало во сне и наяву их бывших друзей среди рабочих политиков. Не было ни одного видного профсоюзного деятеля на Побережье, который теперь посмел бы высказаться в поддержку своих арестованных братьев. Не было никого, кто предложил бы хоть пенни на их защиту. Ни слова не появилось даже на страницах Organized Labor («Профсоюзы»), печатного органа влиятельной строительной отрасли, редактором которой был Олаф Твитмор. Ни слова в Labor Clarion («Клич рабочего»), официальном еженедельнике Рабочего совета Сан-Франциско и Региональной федерации труда. Даже Фремонт Олдер, который так яро защищал братьев Мак-Намара и всегда храбро выступал за любое непопулярное дело, сейчас молчал перед лицом очевидного заговора Торговой палаты с целью казнить невинных людей.

Ситуация была безнадёжной. Только мы с Сашей осмелились вступить за заключённых. Но мы были известны как анархисты, и не было ясно, захотят ли обвиняемые, среди которых анархистом был только Израиль, чтобы наши имена упоминались в числе их защитников: заключённые могли решить, что это больше повредит делу, чем поможет. Я и сама их практически не знала, а с Уорреном Биллингсом мы даже не встречались. Но мы не могли сидеть сложа руки и быть участниками заговора молчания. Мы пришли бы им на помощь, даже если бы считали их преступниками, однако Саша хорошо знал всех заключённых, и был абсолютно уверен в их невиновности. Он считал, что ни один из них не способен бросить бомбу в толпу людей. Его уверенность была для меня достаточным

доказательством, что они не имели ничего общего с взрывом на Параде боеготовности.

На протяжении двух недель после трагедии 22 июля страницы Blast и мои митинги были единственным местом выражения протеста против кампании террора, которую вели местные власти по указке Торговой палаты. Роберт Майнор, выписанный Сашей из Лос-Анджелеса, прибыл, чтобы помочь подготовить защиту этих невинных людей.

Бен, приехавший из Нью-Йорка, как только закончился срок его тюремного заключения, был категорически против того, чтобы я задерживалась в Сан-Франциско ради лекций. Мои встречи проходили под присмотром полиции, зал был переполнен сыщиками, которые отпугивали публику. Бен не мог смириться с неудачей: в зале на тысячу человек — лишь горстка наших верных друзей; это было для него слишком. Казалось, у него на уме было что-то ещё. Он был обеспокоен больше обычного и умолял меня прервать курс лекций и уехать из города. Но я не могла отменить договорённости и осталась. На митингах мне удалось собрать сто долларов и одолжить значительную сумму на защиту арестованных рабочих активистов. Но Сан-Франциско был настолько запуган, что ни один опытный адвокат не брался за дело обвиняемых, которых уже приговорили все газеты города.

Потребовалось несколько недель самых напряжённых усилий с нашей стороны, чтобы пробудить хоть малейший интерес даже среди радикалов. Саша, Боб Майнор и Фитци отвечали за это дело, и теперь я могла продолжать турне, хотя и очень за них беспокоилась. Однозначная поддержка Муни и его товарищей на страницах Blast уже вызвала повышенный интерес полиции к Саше и его соратникам — Фитци и нашему дорогому «шведу» Карлу. Спустя несколько дней после взрыва сыщики ворвались в редакцию Blast. Обыск шёл несколько часов, полиция забрала всё, на что могла наложить руки, включая список калифорнийских подписчиков Mother Earth. Они отвезли Сашу и Фитци в отделение, там допрашивали об их деятельности и угрожали арестом.

От великого до смешного один шаг. В разгар волнений из-за ситуации в Сан-Франциско, на пути в Портленд у Бена случился его обычный приступ необходимости «позаботиться о душе, собраться с мыслями и познать себя». Он снова начал стенать, что не может быть «просто мальчиком на побегушках», подносящим сумки и продающим литературу, у него есть амбиции — он хочет писать. Бен заявил, что писать он хотел всегда, но я не давала ему такой возможности. По его мнению, Саша был моим богом, а Сашина жизнь и работа — моей религией. Во всех возникавших между ним и Сашей разногласиях я всегда занимаю сторону последнего, сказал Бен. Ему никогда не позволено поступать по-своему, я даже не захотела иметь от него ребёнка. Он не забыл, как я заявила ему, что сделала свой выбор и не позволю детям мешать моей работе и борьбе. Из-за этого он был как в тумане и боялся признаться, что живёт с другой девушкой. Он всегда очень хотел иметь ребёнка, а с тех пор, как её встретил, это желание только усилилось. Пока он сидел в окружной тюрьме Квинса, он решил, что больше ничто не сможет помешать исполнению этой заветной мечты.

«Но у тебя уже есть ребёнок, — сказала я. — Малышка Хелен! Ты хоть раз проявил к ней отцовскую любовь или хотя бы малейший интерес, кроме как на День святого Валентина, когда я за тебя выбирала ей открытки?»

Он ответил, что был совсем юнцом, когда родился этот ребёнок, и это вышло случайно. Теперь ему тридцать восемь, и у него появилась «осознанная тяга к отцовству».

Я знала, что спорить нет смысла. В отличие от его исповеди в первый год наших отношений, ставшей для меня громом среди ясного неба, это новое откровение едва ли меня поразило или ранило. Первое оставило слишком глубокие раны, чтобы я могла излечиться или избавиться от сомнений. Я всегда раскрывала его обманы, да так безошибочно, что он называл меня Шерлоком Холмсом, «от взгляда которого ничего не укроется».

Какая ирония! В Нью-Йорке Бен начал вести «Занятия в воскресной школе», из-за которых меня высмеивали товарищи. «Воскресная школа в анархистской редакции! — издевались они. — Иисус в логове безбожников». Я защищала Бена, заявив, что свобода слова распространяется и на его право верить в Иисуса. Я знала, что Бен был христианином не больше, чем миллионы людей, которые объявляют себя последователями назаретянина. Бена с ранней юности привлекала личность «сына человеческого». Его религиозная сентиментальность не могла причинить вреда ни одному мыслящему существу. Большинство учеников воскресной школы составляли девочки, которых куда больше привлекала персона учителя, нежели его Господь. Я понимала, что религиозные чувства Бена были сильнее его анархистских убеждений, и не могла отказать ему в праве на самовыражение.

Нелегко быть разумной в противоречивом мире, и часто я была непоследовательна по отношению к Бену. Его любовные интрижки со всевозможными женщинами причиняли мне слишком много эмоциональных потрясений, и я не всегда действовала в соответствии со своими убеждениями. Однако время лечит. Меня больше не волновали эротические похождения Бена, и его последнее признание не произвело на меня особого впечатления. Но всё же апогеем трагикомедии стало то, что моё снисходительное отношение к воскресной школе Бена в редакции Mother Earth вылилось в роман с одной из учениц. А я так волновалась по поводу того, что бросаю Бена в тюрьму и уезжаю в турне без него, в то время как он был поглощён своей новой страстью! Всё было так нелепо и гротескно, я чувствовала себя крайне измотанной и хотела лишь убежать прочь и забыть о своей несложившейся личной жизни, забыть даже насущную потребность бороться за своё счастье.

Я решила уехать на месяц в Провинстаун, навестить Стеллу и её ребёнка. С ними я отдохну и, возможно, обрету мир и покой.

Стелла стала матерью! Казалось, ещё недавно она сама была маленькой девочкой, единственным лучиком солнца в унылом Рочестере. Когда она готовилась к рождению ребёнка, мне хотелось быть рядом с ней. Вместо этого я читала лекции в Филадельфии, и моё сердце трепетало от беспокойства за милую Стеллу, в муках дающую новую жизнь. Время быстротечно, и вот я вижу Стеллу, сияющую в своём молодом материнстве, и её шестимесячную кроху, поразительную копию моей племянницы в этом возрасте.

Очарование Провинстауна, забота Стеллы и прелесть малыша наполнили мой визит отрадой, которой я не испытывала много лет. Здесь был и Тедди Балентайн, муж Стеллы, -

утончённая натура, человек живой и интересный; ещё нас навещали такие замечательные люди, как Сьюзан Гласпелл⁵³, Джордж Крэм Кук, мои старые друзья Хатч Хэпгуд и самая интригующая личность — Нит Бойс. Заходили Рид и отважная Луиза Брайант⁵⁴, более рассудительная, чем во времена нашей встречи два года назад в Портленде. Была здесь и Мэри Пайн⁵⁵, уже изнурённая чахоткой — медь её волос только подчёркивала прозрачность кожи и лихорадочный блеск глаз. Был неотёсанный Гарри Кемп, который рядом с утончённой Мэри был комично неуклюж и нескладен. Столь разнообразная по складу ума и характера компания Провинстауна вдохновляла, но никто не оказывал на меня такого умиротворяющего воздействия, как Макс, который откликнулся на приглашение провести со мной несколько недель. Он нисколько не изменился, его добрая душа и безошибочная эмпатия с годами стали более зрелыми. Добрый и мудрый, он всегда находил верные слова, чтобы смягчить страдания. Час вместе с ним был словно весенний день, рядом с Максом я нашла утешение и покой. Месяц, проведённый с Максом и маленькой семьёй Стеллы, может сделать меня достаточно сильной, чтобы завоевать мир.

Но, увы, не было ни месяца, ни завоеваний! Меня звала вечная борьба за свободу. Сашины письма и телеграммы умоляли помочь спасти пять человек, чьи жизни находились под угрозой в Сан-Франциско. Как я могу думать об отдыхе, возмущённо вопрошал он, когда Том Муни и его товарищи находятся перед лицом смерти? Разве я забыла Сан-Франциско, ужасающую предвзятость к узникам в тамошних тюрьмах, трусость профсоюзных лидеров, отсутствие средств на защиту заключённых и возможности нанять им хорошего адвоката? Нотки отчаяния, нехарактерные для Саши, звучали в его письмах, он умолял меня вернуться в Нью-Йорк и найти квалифицированного адвоката. Если не выйдет, нужно ехать в Канзас-Сити и уговаривать Фрэнка Уолша взяться за это дело.

Отдых закончен: силы реакции вторглись в золотые дни моей свободы и лишили меня покоя, в котором я так нуждалась. Я даже возмутилась странной нетерпеливостью Саши, но почему-то чувствовала себя виноватой. Меня мучило ощущение, что я нарушила слово, данное узникам социальной системы, с которой боролась двадцать семь лет. Настало время внутреннего конфликта и раздражающей нерешительности. Затем Саша сообщил телеграммой, что Биллингса осудили и приговорили к пожизненному заключению. Больше никакой нерешительности. Я готовилась к отъезду в Нью-Йорк.

В последний день в Провинстауне мы с Максом вышли прогуляться по дюнам. Было время отлива. Солнце висело золотым диском, и на прозрачной глади океана, куда хватало глаз, не было даже ряби. Песок казался белым листом, простиравшимся далеко вокруг и исчезающим в цветном хрустале воды. Природа дышала покоем и дивным умиротворением. Мой разум тоже был спокоен; вместе с моей решимостью пришёл мир. Макс резвился, и я заразилась его настроением. Мы медленно шагали к морю по раскинувшемуся простору. Забыв о страданиях внешнего мира, мы были заморожены окружающим нас волшебством. Рыбаки, возвращавшиеся с уловом, напомнили нам о том, что день близился к концу. Лёгким шагом мы отправились назад, и наша весёлая песня звенела в воздухе.

Мы не прошли и половины пути до берега, когда услышали журчание воды, поднимавшееся за нашими спинами. Внезапное осознание оборвало наше пение. Мы обернулись, а затем Макс схватил меня за руку, и мы побежали к берегу. Прилив поднимался с огромной

скоростью. Вода шла из небольшой бухты, которая примыкала к морю в этой точке. Она была прямо за нами, волны катили по песку, поднимаясь ввысь с нарастающей скоростью. Страх быть поглощёнными стихией гнал нас вперёд. Наши ступни то и дело вязли в песке, но догонявший нас пенный поток подстёгивал инстинктивное желание жить.

Напуганные, мы добрались до подножия холма. Последним усилием мы взобрались наверх и измученные упали на зелёную почву. Наконец мы в безопасности!

По пути в Нью-Йорк мы остановились в Конкорде. Я всегда хотела побывать на родине ушедшей культурной эпохи Америки. Музей, старинные дома и кладбище были единственными свидетелями былой славы. По жителям нельзя было определить, что этот необычный старый город когда-то был центром поэзии, литературы и философии. Ничто не указывало на то, что в Конкорде могли быть мужчины и женщины, для которых свобода оставалась живым идеалом. Текущая реальность была ещё более призрачной, чем мертвецы.

Мы навестили Фрэнка Сэнборна, биографа Генри Дэвида Торо, последнего из выдающихся людей Конкорда. Именно Сэнборн полвека назад познакомил Джона Брауна с Торо, Эмерсоном и Олкотт. Он выглядел как типичный аристократ и интеллигент, его манеры были просты и любезны. С очевидной гордостью он говорил о тех днях, когда вместе со своей сестрой под дулом пистолета они прогнали со своей фермы сборщиков налогов. Он с благоговением отзывался о Торо, большом любителе всего живого, бунтаре против посягательств государства на права человека, который остался сторонником Джона Брауна, даже когда его собственные друзья отвернулись от него. Сэнборн детально описал нам встречу, которую Торо организовал в память об этом защитнике прав чернокожих, невзирая на решительное сопротивление сообщества Конкорда.

То, как Сэнборн оценивал Торо, укрепило моё мнение, что последний был предшественником анархизма в Соединённых Штатах. К моему удивлению, биографа Торо возмутило моё замечание. «Ничего подобного! — воскликнул он. — Анархизм означает насилие и революцию. Он подразумевает Чолгоша. Торо был убеждённым непротивленцем». Мы несколько часов потратили на то, чтобы просветить этого современника самого анархистского периода американской мысли относительно того, что значит анархизм.

Из Провинстауна я написала Фрэнку Уолшу о ситуации в Сан-Франциско. Я сообщила, что собираюсь приехать в Канзас-Сити и обсудить с ним этот вопрос, если есть шанс, что он возьмётся защищать Муни. Его ответ ждал меня в Нью-Йорке. Уолш писал, что не может принять моё предложение: он занимается важным уголовным делом в родном городе, а также обязался мобилизовать либералов Востока для участия в кампании Вудро Вильсона⁵⁶. Также в письме говорилось, что ему, конечно же, интересны трудовые конфликты в Сан-Франциско, и вскоре он прибудет в Нью-Йорк, чтобы обсудить со мной это дело; возможно, он даст какие-нибудь полезные советы.

Фрэнк П. Уолш был самым энергичным человеком из всех, кого я знала в Канзас-Сити. Он не выставлял напоказ свой радикализм, но всегда прилагал максимум усилий для поддержки любого непопулярного дела. По натуре он был бойцом и всегда сочувствовал угнетённым. Я

знала о его интересе к трудовой борьбе, поэтому его письмо меня сильно разочаровало. Кроме того, это было странно. Если он мог приехать в Нью-Йорк, чтобы заниматься кампанией Вильсона, значит, не так уж необходимо ему было находиться дома. Не мог же он считать предвыборную кампанию важнее жизни пяти человек на Побережье, недоумевала я. Я была уверена, что он не в курсе истинного положения дел в Сан-Франциско, и решила ясно представить ему ситуацию. Возможно, это заставит его изменить решение.

В головном офисе кампании Вильсона в Нью-Йорке, который возглавляли Фрэнк Уолш, Джордж Вест и другие интеллектуалы, у меня состоялся долгий разговор с Уолшем о деле Муни. Он был сильно потрясён и заверил меня, что хотел бы вмешаться и сделать что-то для узников. Он сказал, что это серьёзное дело, но страна находится перед лицом более важной проблемы — войны. Милитаристы с нетерпением ждали, когда Вильсон покинет свой пост, чтобы президентом мог стать один из них. Для всех либерально мыслящих людей и пацифистов было важно переизбрать Вудро Вильсона, подчеркнул Уолш. Он полагал, что даже анархисты в этот решающий момент должны отбросить свои предубеждения против политики и помочь оставить Вильсона в Белом доме, потому что «до сих пор он держал нас в стороне от войны». В частности, моим долгом, по мнению Уолша, было не пренебрегать возможностью доказать, что моя антивоенная позиция — это не просто разговоры. Я могла бы успешно опровергнуть обвинения в том, что проповедую насилие и разрушение, показав, что на самом деле я истинная защитница мира.

Я была немного удивлена, что Фрэнк Уолш оказался таким апологетом политики, после того как он занял однозначную позицию по отношению к Мексиканской революции. Как-то я приехала в Канзас-Сити, чтобы привлечь его к участию в той кампании, и он с готовностью откликнулся, выразив убеждение, что дела говорят красноречивее слов. Насколько же это отличалось от его сегодняшнего представления, что, наделив Вудро Вильсона большей политической силой, мы «спасём мир».

Я ушла от Уолша с чувством раздражения от того, что этот радикал и его коллеги так наивно поверили в кампанию Вильсона. Для меня это было ещё одним доказательством политической слепоты и бестолковости американских либералов.

В Нью-Йорке я не знала никого из юристов, к кому можно было обратиться по поводу дела Муни. Поэтому мне пришлось сообщить Саше о неудаче. Он ответил, что сам приедет в Нью-Йорк посмотреть, что можно сделать. Международная лига защиты рабочих Сан-Франциско пригласила его на Восток, чтобы он мог подыскать способного адвоката и информировать трудовые организации об опасности, которая нависла над арестованными.

В конце октября состоялся суд над Болтоном Холлом по поводу его участия в митинге на тему контроля рождаемости на Юнион-сквер, организованном в мае прошлого года. Ряд свидетелей, включая меня, показали, что обвиняемый в тот раз не распространял информацию о контрацептивах, и Болтона Холла признали невиновным. На выходе из зала суда я была арестована по тому же поводу, по которому только что оправдали Холла.

Преследование сторонников контроля рождаемости прокатилось по стране. Маргарет Сэнгер, её сестру Этель Берн, опытную медсестру, и их помощницу Фаню Мандель задержали во время налёта на клинику миссис Сэнгер в Бруклине. Их обманула женщина-детектив, которая пришла просить контрацептивы, притворившись матерью четверых детей. Другие дела были заведены на Джесси Эшли и нескольких парней из ИРМ. Блюстители закона и нравственности по всей стране были полны решимости пресечь распространение информации о контроле рождаемости.

Слушания и суды показали, что по крайней мере судьи были подкованы в этом вопросе. Один из них заявил, что есть разница между людьми, которые бесплатно распространяют информацию о контроле рождаемости в силу своих убеждений, и теми, кто её продаёт. Разумеется, таких различий ранее никогда не проводили, ни во время процесса над Уильямом Сэнгером, ни в деле Бена, ни в моём случае. Ещё более яркое доказательство того, что агитация за ограничение семьи приносит свои плоды, продемонстрировал судья Уэдхэмс во время процесса над женщиной, обвиняемой в воровстве. Её муж, больной туберкулёзом и не работавший долгое время, был не в состоянии содержать большую семью. Перечисляя причины, которые толкнули обвиняемую на преступление, судья Уэдхэмс заметил, что во многих странах Европы практикуется ограничение рождаемости, и это, видимо, дало хорошие результаты. «Полагаю, мы живём в эпоху невежества, — продолжал он, — на которую некоторое время спустя будут смотреть с ужасом, равно как мы сейчас оглядываемся на Тёмные века. Перед нами дело семьи, которая продолжает разрастаться, в которой отец болен туберкулёзом, мать держит у груди младенца, а остальные малые дети прячутся за её юбками в нищете и нужде».

Мы поняли, что дело стоит того, чтобы отправляться за него в тюрьму, раз необходимость ограничения семьи стали признавать даже судьи. Прямое действие, а не салонные дискуссии привело к таким результатам.

В начале ноября Саша приехал в Нью-Йорк, и меньше чем за две недели ему удалось заручиться поддержкой почти всех еврейских рабочих организаций, а также ряда американских профсоюзов. Успех сопутствовал ему и в поисках адвоката. С помощью кое-кого из друзей он уговорил Бёрка Кокрана, известного адвоката и оратора, изучить стенограмму дела Биллингса. Кокран был настолько поражён Шашиним изложением дела и так возмущён его очевидной сфабрикованностью, что вызвался отправиться на Побережье бесплатно и взялся за защиту Муни, Нолана и других узников Сан-Франциско. Саша также уговорил Союз Иудеев, крупнейшую и влиятельнейшую еврейскую рабочую организацию страны, созвать массовый митинг в Карнеги-Холле в знак протеста против заговора крупного бизнеса в Калифорнии. Делегаты этой организации были очень заняты своими обязанностями, и вся тяжесть ответственности за организацию массового митинга и приглашение выступающих легла на Сашу и молодых активистов, которые помогали ему в этой кампании. К сожалению, я не могла его поддержать из-за лекций, запланированных в ряде городов между Нью-Йорком и Средним Западом. Однако я пообещала выступить в Карнеги-Холле, даже если ради этого мне придётся вернуться из Чикаго.

После семнадцати лекций в этом городе и четырёх в Милуоки я поспешила в Нью-Йорк, куда приехала утром 2 декабря, в день большого собрания. После полудня на Юнион-сквер

состоялась демонстрация протеста в защиту Муни и его товарищей, а также Карло Трески и его друзей, жертв заговора сталелитейных компаний Миннесоты во время забастовки в Месаби. Вечером на митинге в Карнеги-Холле собралась толпа народу, перед публикой выступили Фрэнк Уолш, Макс Истман, секретарь Союза Иудеев Макс Пайн, поэт и рабочий лидер Артуро Джованитти, Саша и я. Мне было поручено объявить о сборе средств, и присутствующие щедро отозвались на просьбу помочь защитить калифорнийцев. Той же ночью я отправилась на Запад продолжать прерванное турне.

На моей лекции «Ограничение роста семьи» Бену пришло в голову предложить добровольцам распространять брошюры о контроле рождаемости. Несколько зрителей откликнулось. По окончании митинга Бена арестовали. Сто человек, с запрещёнными брошюрами в руках, последовали за ним в тюрьму, но перед судом предстал только Бен. Мы немедленно организовали Лигу за свободу слова, которая объединила усилия с местной группой борцов за контроль рождаемости, чтобы защищать его на этом процессе.

Долгие годы Кливленд был оплотом свободы слова благодаря либеральным порядкам, которые установил здесь покойный мэр города Том Джонсон, сторонник единого налога. С тех пор отважные граждане разных политических убеждений ревностно отстаивали эти свободы. Среди них у меня было много друзей, но никто не был настолько полезен, как мистер и миссис Карр, Фред Шолдер, Аделейн Чемпни и наш старый философ Джейкобс. Они всегда вызывались помочь мне в работе и старались скрасить мой досуг своей приятной компанией. Поэтому было серьёзным шоком увидеть, как этот исключительный город предаёт свои ценности. Но живой отклик на наш призыв присоединиться к борьбе против гонений внушал надежду, что право на свободу самовыражения вновь восторжествует в родном городе Тома Джонсона.

Подобные ситуации происходили на моих лекциях в разных городах, а также на мероприятиях остальных сторонников ограничения семьи. Иногда арестовывали Бена, иной раз меня и друзей, которые нам помогали, или других лекторов, которые пытались просвещать людей на эту запретную тему. В Сан-Франциско Blast задержали на почте из-за статьи о контроле рождаемости и из-за оскорбления его величества Вудро Вильсона. Контроль рождаемости стал злободневным вопросом, и власти изо всех сил старались заставить замолчать его сторонников. Они не чурались грязных методов для достижения своих целей. В Рочестере Бена арестовали за то, что на одном митинге он продал работу доктора Уильяма Робинсона «Ограничение роста семьи» и брошюру Маргарет Сэнгер «Что должна знать каждая женщина». Полицией, что его задержали, казалось, было невдомёк, что эти издания открыто продавались в книжных магазинах. Но вскоре оказалось, что это за этим «недоразумением» крылся замысел. В полицейском участке между страницами книги доктора Робинсона «нашли» брошюру о контрацептивах. Мы поняли, что какой-то сыщик вложил её туда, чтобы «сцапать» Бена. И действительно, его отдали под суд.

Находясь в турне, я получила телеграмму от Гарри Вайнбергера, моего нью-йоркского адвоката, который сообщал, что мне отказано в суде присяжных. 8 января моё дело было - рассмотрено тремя судьями. Председательствующий судья Каллен строго предупредил, что он не позволит никаким идеям обвиняемой быть обнародованными в суде. Но он был

избавлен от этой необходимости, поскольку моё дело развалилось, прежде чем я или мой адвокат успели что-либо сказать. Представленные сыщиками доказательства того, что я распространяла брошюры о контроле рождаемости на Юнион-сквер в мае, настолько противоречили друг другу, что даже суд отказался принимать их всерьёз. Меня оправдали.

Бену в Кливленде повезло меньше. Его вызвали на мой суд, и, так как его собственное заседание должно было состояться на следующий день, он телеграфировал своему кливлендскому адвокату и поручителю, чтобы те выхлопотали отсрочку. Они ответили, что не стоит волноваться, они похлопочут о продлении сроков. Для пущей уверенности Бен отправил телеграмму и копию повестки в суд Кливленда. Но вечером 9 января он получил сообщение от своего адвоката, что судья Дэн Калл не только не разрешил отложить слушание, но и выписал ордер на арест Бена за неуважение к суду. Первым же поездом Бен выехал в Кливленд. На следующий день состоялось слушание. Судья Калл «любезно» согласился снять с Бена обвинение в неуважении к суду и слушать только дело о контроле рождаемости. Судья был католиком и решительно выступал против любых форм половой гигиены. Он долго распространялся о плотских грехах и осудил контроль рождаемости и анархизм. Пятеро из двенадцати присяжных были католиками. Остальные явно не желали осуждать Бена, поскольку они совещались тринадцать часов, но так и не пришли к согласию. Суд отправил их обратно, велел не возвращаться, пока они не вынесут вердикт. Долгие часы в душной комнате хоть кого принудят к сговорчивости. Бена признали виновным и приговорили к шести месяцам работного дома и штрафу в тысячу долларов. Это было самое суровое наказание за преступление, связанное с темой контроля рождаемости. Бен чистосердечно признался в том, что является сторонником ограничения роста семьи, и по совету адвоката обжаловал приговор.

Исход суда был обусловлен, главным образом, отсутствием широкой огласки. Незадолго до него Маргарет Сэнгер читала лекции в этом городе, ожидалось, что она обратит внимание на эту ситуацию и призовет своих слушателей оказать поддержку Бену. Её отказ сделать это рассердил наших друзей, ведь это было непростительным пренебрежением солидарностью, но, к сожалению, времени на то, чтобы привлечь общественное внимание к делу Бена, уже не было.

Уже не в первый раз миссис Сэнгер отказывала в помощи сторонникам контроля рождаемости, попавшим в сети правосудия. Пока рассматривалось моё дело в Нью-Йорке, она колесила по стране и устраивала лекции и митинги с помощью наших товарищей, главным образом, по моей рекомендации. Как ни странно, миссис Сэнгер, которая начинала свою деятельность в пользу контроля рождаемости у нас дома по 119-й улице, даже не упомянула о приближавшемся суде надо мной. Как-то на митинге в театре «Бэндбокс» Роберт Майнор спросил, чем объясняется её молчание. Она посоветовала ему не лезть не в свои дела.

В Чикаго Бену Кейпсу пришлось задать вопрос с места во время митинга, чтобы заставить миссис Сэнгер упомянуть о моей деятельности в пользу контроля рождаемости. Похожие случаи произошли в Детройте, Денвере и Сан-Франциско. Из разных городов друзья писали, что миссис Сэнгер производит впечатление человека, который считает этот вопрос своим личным делом. Впоследствии мистер и миссис Сэнгер публично отмежевались от

организованной нами лиги за контроль рождаемости, а также от всей нашей кампании за ограничение роста семьи.

Отсутствие поддержки Бена в Кливленде научило нас, что нужно организовать протест перед грядущим судом над ним в Рочестере. Накануне заседания состоялся большой митинг, на котором с одной сцены выступали местная пропагандистка доктор Мэри Дикинсон, Долли Слоун, Ида Раух и Гарри Вайнбергер, приехавшие по этому случаю из Нью-Йорка. На следующий день в суде произошла эффектная демонстрация. Уиллис Джилетт оказался исключительным судьёй. Бен предстал перед человеком, верящим, что суд является местом, где обвиняемый может высказываться смело — я почти завидовала. С таким судьёй и боевитой настойчивостью адвоката Гарри Вайнбергера, Бен мог быть уверен в несправедливости процесса. Он заявил, что не верит в закон, который запрещает распространять информацию о контроле рождаемости. Он нарушал его раньше и будет нарушать впредь. Но в данном случае он был невиновен и не знал, как брошюра о контрацептивах оказалась в книге доктора Робинсона. Бена оправдали.

Мы могли испытывать некоторое удовлетворение нашим участием в этой кампании. Мы распространили идеи ограничения роста семьи по всей стране, неся знания о методах контрацепции людям, которые в этом нуждались больше всего. Теперь мы были готовы оставить это поле деятельности тем, кто считал контроль рождаемости единственной панацеей от всех социальных бед. Лично я никогда не рассматривала этот вопрос в таком ключе; безусловно, он был важным, но ни в коем случае не самым насущным.

В Сан-Франциско Blast попал под запрет, а на редакцию дважды напали из-за антивоенной активности газеты и деятельности в защиту Муни. Во время последнего налёта Фитци сильно досталось, бандит при исполнении едва не сломал ей руку. Стало невозможно продолжать выпуск издания на Побережье, и Фитци перевезла его в Нью-Йорк, где присоединилась к Сашиной деятельности по защите калифорнийских узников.

Тома Муни признали виновным и приговорили к смерти. Ни красноречие Бёрка Кокрана, ни абсолютное доказательство, что главные свидетели обвинения были клятвопреступниками, ни к чему не привели. Влияние Торговой палаты на официальное правосудие в Калифорнии оказалось сильнее, чем самые неоспоримые доказательства невиновности подсудимых рабочих. Едва ли в Сан-Франциско был хоть один человек, который не знал, что государственные свидетели — мак-дональды и оксманы — были отбросами общества, показания которых оплатил окружной прокурор Чарльз Фикерт, услужливый помощник боссов. Но невиновность была не в счёт. Боссы, объявившие себя сторонниками «открытого предприятия» (на котором не обязательно членство в профсоюзе), вознамерились повесить Тома Муни в качестве назидания другим рабочим активистам, и его судьба была предreshена.

Штат Калифорния не был единственным местом в стране, где закон и порядок сосредоточили всю свою мощь, чтобы раздавить рабочих и подавлять дальнейший протест униженных и обездоленных. В Эверетте, штат Вашингтон, сорок четыре члена ИРМ боролись за жизнь, и в каждом втором штате тюрьмы были забиты людьми, осуждёнными за свои идеалы.

Политический небосклон Соединённых Штатов затягивали тяжёлые тёмные тучи, а предзнаменования с каждым днём становились всё более тревожными, но массы всё ещё оставались инертными. И вдруг неожиданно свет надежды забрезжил с востока. Он пробился из России, которая веками томилась под властью царя. День, о котором мы так долго мечтали, наконец, настал — пришла Революция!

Версия #1

██████████ ██████████ создал 18 апреля 2025 20:12:07

██████████ ██████████ обновил 18 апреля 2025 20:12:27